

С.И. Ануфриев, Р.Н. Романов

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Томский государственный педагогический университет

Понятие «самоопределение личности» начинает активно разрабатываться в первой половине XX в. в период глобального мировоззренческого и социального кризиса. Это понятие широко используют такие науки, как философия, педагогика, психология, социология. Для данной работы главным является философско-этический смысл понятия, который синонимичен термину «самоназначение» [1, с. 403], в широком значении понимаемый как определение человеком смысла своего существования и в узком – как активная защита, сохранение личных этических ценностей в повседневном взаимодействии с другими людьми.

Для философов-экзистенциалистов самоопределение становится решающим фактором существования человека. Необходимость и неотвратимость индивидуального самоопределения выводится из одиночества человека («заброшенности», по М. Хайдеггеру), отсутствия смыслов и ориентиров в жизни, очевидности и возможности сомневаться во всем («абсурд», по А. Камю). Самоопределение понимается как осознанный, самостоятельный этический выбор человека, подразумевающий его активное деятельностное выражение воле и ответственность за этот выбор. В то же время человек не способен осознать свою экзистенцию, не взаимодействуя с другими людьми. Человек одинок в мире, но понять это он не в состоянии без других таких же одиночек. Это противоречие, по мысли экзистенциалистов, должно стать основанием для действительно нравственного выбора человека. Так, Ж.-П. Сартр связывает ответственность индивидуального выбора с ответственностью за все человечество, мир [2, с. 326]. Эти идеи наряду с идеями самопознания З. Фрейда, и особенно социальной психологии Э. Фромма, стали основанием антропоцентричной парадигмы современной культуры.

Человек **должен «определяться сам»** не только потому, что традиционные истины уже слишком сомнительны и спорны для его разума, но и потому, что самоопределение в той или иной степени «гарантирует» человеку ответ на вечный и логически неизбежный вопрос: «Зачем мне, смертному, жить?» Самоопределение в таком смысловом развороте предполагает возможность внутреннего согласия и гармонии с внешним миром. Проблема возникает, когда человек, определившись, вынужден в повседневной жизни определять конкретно, что хорошо, а что плохо, и действовать в соответствии с этим оп-

ределением. Не находя критериев истинности своего личного выбора или доказательств ошибочности выбора других, человек сталкивается с феноменами коммуникации и веры. Он признает неправильность (неточность, неистинность) своего выбора или помогает признать это же другому человеку, или признает неоднозначность таких понятий, как истина, счастье, предназначение человека. Круговорот нестабильных самоопределений начинается сначала.

С другой стороны, самоопределение **может быть детерминировано внешней идеей**, созвучной природе человека, находящейся в диалоге с ней. «Я возникает лишь из отношения к Ты», – говорит М. Бубер, а понимать человеческую личность можно только «во всей полноте ее сущностного отношения к сущему» [3, с. 293], т.е. из диалога о жизненно значимом для человека предмете и со значимым для человека субъектом. Вечно значимый (неизбежный, итоговый) вопрос для человека приведен выше; его адресатом, если интерпретировать Бубера, должен быть Бог. Религиозное, мистическое, метафизическое самоопределение становится едва ли не единственным выходом из круговорота рационального, а потому всегда относительного этического поиска.

Проблема самоопределения является одной из центральных в философской антропологии. Проблема выбора неотделима от вопросов сущности, целей и смыслов жизни человека. В то же время широкое обсуждение этой темы особенно востребовано в современном обществе, которое актуализирует и одновременно нивелирует потенции человека в самоопределении.

Условия самоопределения человека в современном обществе

Понимание самоопределения Сартром как формулы «осмысление себя через других + сознательный выбор + активная ответственность» требует своей модернизации применительно к человеку постиндустриального общества. Получается примерно следующее: нарастающие потоки информации + временный выбор + ограниченная субъектами коммуникации ответственность. Такое определение связано со спецификой человеческой экзистенции в информационном обществе. Она выражена динамичностью социальных изменений, всеохватностью и многомерностью пространств коммуникации, растущим количе-

ством субкультурных ролей, стиранием границы между традиционными представлениями «морально – аморально». В ситуации этического и смыслового плюрализма можно говорить о нескончаемом потоке индивидуальных выборов, как бы «идущих вослед» изменяющимся условиям существования, потребностям, моде.

Любое самоопределение «раз и навсегда» отображает человека на обочину социальной жизни, вступает в противоречие с информационной и профессионально-деятельностной средой.

Но и самоопределение, «идущее вослед», также проблематично, поскольку определено высоким темпом сменяемости информации, ее сложностью и смысловой противоречивостью. В этих условиях нравственно ценным становится не истинное, а понятное. Например, Ан. Пинский говорит о «простоте и понятности» либеральной этики, которая благодаря этому постепенно объединяет всех людей на земле в глобальном потоке Мейнстрима [4, с. 32]. В анализируемых А.Н. Пинским работах Дж. Барлоу читаем о просвещенном эгоизме, общем благе и далее о временах, «где наибольшую *выгоду* (курсив авт.) получает тот, кто приемлет хаос как возможность действия» [4, с. 224]. При таком раскладе понятным может быть все что угодно. Э. Фромм назвал это стремлением к успеху, С. Франк – страусиной политикой, не включающей в себя явления сложнее моды, карьеры, признания в обществе, но затмевающей для человека такие понятия, как добро, свобода, справедливость. Для Э. Тоффлера – это закономерный результат развития общества, когда искусственные ощущения становятся движущей силой экономики, и человек просто не способен различать искусственное и естественное. «Одно из определений здравого смысла – способность отделить реальное от ирреального», – говорит Э. Тоффлер, вообще сомневаясь в способности постиндустриального человека независимо размышлять [5, с. 261].

Потребность примирить духовную и разумную сферы, с одной стороны, приводит к востребованности религиозных, мистических учений, особенно основанных на «научном» толковании священных текстов. С другой стороны, ведет к формированию комплексных научных теорий, примиряющих веру и разум, как, например, в гуманистической религии, выделенной психоанализом, или христогенезе П. Тейяра де Шардена.

Таким образом, современный человек как никогда ранее затрудняется в определении для себя смысла и цели существования, при этом как никогда ранее нуждается в постоянстве. Удивительно точно по этому поводу говорил еще на рубеже XIX–XX вв. В.В. Розанов, критикуя утилитаризм. Хорошее и дурное для человека он определяет как желаемое и нежелаемое, а искомое постоянство находит не в идеале (выбранном из множества идеалов. – *Авт.*), а в

постоянстве чувства удовлетворенности, достижения желаемого [6, с. 31]. Может быть, сегодня желаемое или успех является смыслообразующим стержнем, без которого невозможно нравственное самоопределение человека, осознание цели своего существования? На наш взгляд, есть несколько важных точек бытия, в которых человек пытается совместить желаемое удовлетворение и нравственно оправдать свое существование в пространстве и времени земной жизни. Именно в этих точках человек самоопределяется, создает картину самого себя. «Точки бытия», по нашему мнению, таковы:

1. Традиция. Осознание себя рожденным и рождающим, осознание связанности с историей рода, общности, Родины. Признание по отношению к себе понятия наследственности в широком смысле.

2. Самость. Осознание себя неповторимой личностью, микрокосмом, миром. Ощущение способности изменять, решать, нарушать: «Тварь я дрожащая или право имею».

3. Сострадание и любовь как источник развития жизни, ее смыслообразующая причина.

Авторитет мудрости, или Самоидентификация в Системе

Представления о человеке как о становящемся открытом, свободном существе, «чистой возможности» в XX в. становятся решающим основанием для отказа от любой глобальной концепции мироздания и человека. Ж.-П. Сартр в своей работе «Экзистенциализм – это гуманизм» главным принципом этого учения называет признание существования, встречи, появления человека в мире, а уж потом его определения. Человек – это субъективный проект, а общей для всех природы не существует [2, с. 321].

В истории человечества, тем не менее, как иммунитет от вырождения всегда существовала система определения человека в жизни, т.е. нормы, запреты, предписания, помогающие человеку жить в гармонии с собой и окружающей средой. В основании таких всеобъемлющих систем находилась ключевая идея, на которой базировались фундаментальные принципы бытия, род, государство, право, Бог. В теории этногенеза Л. Гумилёва этнос появляется с момента осознания людьми своей принадлежности к роду, общему происхождению, т.е. к чему-то «уже не тобой» определенному. Сюда можно отнести язык, цвет кожи, традиции поведения, совместной жизни, символов и ритуалов. Очевидна потребность объяснения, трактовки этой информации, которую уже нельзя проверить рационально или эмпирически, по крайней мере, до конца. Понятна в связи со сказанным роль и функция жреца: он помогает человеку определиться в жизни, вернее, определяет его.

Со временем появляются другие основания, идеи, помогающие человеку осознать причинность и смысл

своего существования, но принцип остается: кто-то знающий определяет его на уровнях: семья – род, народ – общество, природа – космос. Это можно проследить на примере платоновской пещеры. Кто-то решается, в отличие от других, выйти из пещеры и познать истину, чувствуя, что она необходима всем ее обитателям. Этот смелый человек похож на жреца. Он оставляет всех, каким-то образом освобождаясь от оков, выходит к Солнцу и через некоторое время возвращается. Это «хождение» напоминает ритуал, шаманский обряд. Затем человек рассказывает об увиденном, но ему не верят, потому что не все способны «выйти из пещеры». Но он-то точно знает истину. Отсюда социальное деление граждан, по Платону. Мудрецы те, кто способны вспоминать истины мира идей, а те, кто «припоминает» особенно успешно, – мудрецы-правители. Далее идут воины и ремесленники: по нисходящей способности открывать истину. Главное: если познал – правь, так как можешь распределять людей (определять) на свои места и, соответственно, создавать гармонию жизни (в данном случае – государства).

Жрецы от науки, власти, конфессии так и выполняют свои функции, а старики (мудрецы в этой логике) по-прежнему видят свое предназначение в рассказывании сказок своим внукам. Интересный пример в этом смысле приводит О.И. Генисаретский в одном из своих выступлений. Жанр фотографии на похоронах является способом, началом самоопределения поколений в условиях разрушения традиционного общества. «Такая фотографическая символика – своеобразная поминальная книга в образах. Род вспоминает самого себя» [7, с. 16].

Проблемы эффективности такого механизма самоопределения начинают возникать не тогда, когда «сомневающиеся» сомневаются вслух, но когда предлагаются альтернативные, также претендующие на глобальность и значимость идеи. Каждое доминирующее основание в понимании человеком самого себя прямо или косвенно отвергает предыдущее. История изобилует примерами идейных войн и конфликтов. М. Бубер, ища истину между индивидуальностью и коллективизмом в пограничном диалоге Я и Ты, констатировал, что «старые органические формы часто сохраняют свою внешность, но при этом разрушаются изнутри, утрачивая былой смысл и духовную крепость» [3, с. 247]. Хотя, на наш взгляд, стать незначимой для некоторых идей не то же самое, что утратить смысл. Скорее, необходимо говорить об откладывании идеи в «копилку» человеческого опыта. Можно согласиться лишь с тем, что сам принцип веры кому или во что бы то ни было дискредитируется, а вся тяжесть поиска ответа ложится на каждого человека. Не находя в себе сил самостоятельно «выйти из пещеры», человек пытается перебрать накопленный опыт, найти необходимый для достижения своей гармонии с миром объем веры. Таким об-

разом, потребность в информации (образовании, непрерывном образовании) увеличивается не только в связи с усложнением социально-экономических отношений в обществе, но и в связи с усложнением поиска смысла собственного бытия. Именно востребованность большого количества информации духовного характера приводит к проблеме усложнения, с одной стороны, и упрощения, подмены самоопределения современного человека – с другой.

«Я» как критерий и цель самоопределения

Соотнося себя с идеями традиционного общества, человек не разрешает противоречия между индивидуальным творчеством и традицией, между неповторимой индивидуальностью и зависимостью от социума. По мнению Б. Рассела, это противоречие относится к «вечным» противоречиям человека. Начиная с идей Ж.-Ж. Руссо, человек постепенно становится равным Богу, вытесняя последнего из центра мироздания. Это равенство, данное человеку «по праву рождения», проявляется прежде всего в идее свободы личности. Но свобода оказалась слишком сложной ценностью, она с трудом умещалась в те или иные рациональные конструкции. Человек пытается в себе самом увидеть смысл бытия, а результатом этого поиска становится счастье (гармония, радость) человеческого существования.

Для современного человека его «Я» (относительно «Я» другого человека) становится важнейшей точкой самоопределения.

Никогда еще человек не был так всемогущ по отношению не только к природе, но и друг к другу. «Я» мыслит себя «сверхчеловеком» или потенциальным проектом сверхчеловека. Важным для осознания современным человеком себя как ценности является анализ идей Ф. Ницше, во многом определивших вектор понимания смыслов и целей человеческой жизни сегодня.

В.С. Соловьев, по-своему понимая идею сверхчеловека, говорит о демонизме «сверхчеловека» Ф. Ницше как одной из трех ведущих идей своего времени, причем самой перспективной, которая «связана с тем, что наступит послезавтра и далее» [8, с. 627]. В отличие от В.С. Соловьева, Ницше категорически отказывается от понимания человека вне реальной эмпирической жизни. Любая попытка постичь запредельное, трансцендентное – это проявление слабости, «пустая болтовня». Начинает Ф. Ницше с отказа от лицемерия, которое, по его мнению, выражено в христианских догматах и культивируется Церковью. Христианское смирение сковывает, ограничивает и подавляет человеческие способности, энергию. Мир иной, подлинная жизнь, нирвана, искупление, вечность, все это – риторика враждебности к самой жизни [9, с. 62]. Христианство – религия слабых и злопамятных из-за своей слабости людей,

и даже муки на Кресте, говорит Ф. Ницше, для христиан – недостижимая высота, невозможность, чудо [9, с. 54]. Отвергая «вредное» для жизни христианство, он сожалеет о религиях этносов, языческих пантеонах, которые служили Жизни, были с ней то в конфликте, то в диалоге, помогали человеку покорять мир. Это то, что помогало ощущать удовольствие от жизни – главный критерий истинности, по Ницше. Определяя совесть как «состояние симпатического нерва» и отвергая категории нравственности, он находит, пожалуй, единственный в такой логике ответ, позволяющий согласовать цели жизни и деятельность человека по их достижению. Смыслом жизни становится «воля к власти».

Идея власти Ницше – самая актуальная идея для общества, где человек все более атомизируется на фоне процессов глобализации. Власть – средоточие жизни, достаточно посмотреть любой выпуск новостей из тех, которые смотрят миллионы телезрителей. Сегодня власть играет гораздо большую роль, чем когда бы то ни было. Для Платона, Аристотеля, Кампанеллы, Руссо власть всегда являлась условием жизни общества, способом и механизмом ее улучшения. Для конкретного человека, по М. Буберу, – «это не что иное, как просто способ осуществить задуманное» [3, с. 240]. Сегодня видеть власть можно чаще в ницшеанском контексте, когда она предоставляет возможность скорее ИМЕТЬ, чем ДЕЙСТВОВАТЬ созидательно, власть ценна сама по себе.

В онтологии Ницше весь космос состоит из «квантов власти», каждый из которых – потенциальный центр вселенной, по крайней мере, он к этому стремится. Казалось, что после двух мировых войн идея глобальной гегемонии кого или чего бы то ни было должна быть окончательно отброшена. Но воля к власти находит свое выражение в различных сферах человеческого бытия. Э. Фромм в своем анализе общества предлагает, некий эквивалент ницшеанской Воли – Успех, добавим, Воли к Успеху. Образец успеха задается модой. Идея власти становится мощным аргументом самоопределения человека в ценностях удовольствия и эгоизма, становится мощным стимулом «жизненной активности» (в ницшеанском понимании) все большего количества людей.

Увидеть развитие идей Ницше можно в работах Э. Фромма. Он критикует «волю к успеху» и проповедует идею прогресса, возможного при сознательной любви всех ко всем. Развиваясь, человек должен порвать родовые связи и обрести свободу. Далее логическое продолжение: преодолеть зависимость от класса, партии, государства, в котором корни национализма и расизма [10, с. 196]. Таким образом, став свободным, человек начнет строить свою жизнь сознательно и рационально. Освободиться можно при использовании психоаналитических методов. Обнажая проблемы рыночного человека (властного, конкурентного), Э. Фромм предлагает образ человека,

очень схожего с ницшеанским. Освобождение от комплексов подсознательного влечет за собой приобретение воли к власти.

Важный момент сходства взглядов Ф. Ницше и Э. Фромма в том, что оба не мыслят человека вне пространства традиционной культуры. Фромм ищет в религии полезное для человеческого развития, наделяет религиозные системы определенными функциями, подразделяет их на гуманистические и авторитарные. Ницшеанский человек имел ценностные ориентиры – власть, силу и науку. Психоаналитик Э. Фромм – властелин абсолютный, венец прогресса, он разгадал тайну своего подсознания – избавился от эгоизма [11, с. 167], и для него нет противоречий и вопросов в жизни.

Усиление идей Ницше в таком смысле способствовало, на наш взгляд, замыканию современного человека на самом себе. «Я» действительно становится целью самоопределения и критерием его истинности. Как следствие, развитие антагонизмов между человеком и любого рода системами, между человеком и другим человеком (проблема толерантности), необходимость коммуникации и совместной деятельности становится не объективной «роскошью человеческого общения», но определяется субъективными целями. Конечно, существуют другие взгляды на осмысление человеком самого себя как неповторимой ценности с иными этическими следствиями. Но, по нашему мнению, приведенные выше идеи являются определяющими для все большего количества людей постиндустриального общества.

Самоопределение и сострадание

Сострадание – это способность почувствовать, осознать боль другого человека, разделить ее, тем самым облегчить его страдания. В широком смысле вся человеческая жизнь есть череда страданий, большая «страда» на ниве противоречий, усилий, труда человека. В таком понимании сострадание соотносимо со способностью жить вместе, не чувствовать другого (эмпатия), а именно совместно проживать. В жизни есть и радость, ощущение удовлетворения. Если говорить о способности разделять радость другого, то с необходимостью выйдем на понятие «любовь». Эта тема требует отдельного разговора, но для нас является важным неразрывность понятий «сострадание» и «любовь» как условие всякой истинной совместности. Любой человек на протяжении всей жизни открывает для себя различные оттенки смыслов этих понятий. В то же время они являются для любого человека важнейшими в жизни. Ребенок в любых исторических и социальных условиях нуждается прежде всего не в образовании, жизненном целеполагании или социальной идентификации, но в любви и сострадании. Он готов принять это от чужой тети в детском доме или даже от животных (условно), как Маугли.

Сострадание является неотъемлемой составляющей человеческой природы. Оно имеет такое же значение для человека, как пища для биологического организма. Понятия сострадания, любви не могут найти своего рационального объяснения. Ницше первый осознанно отказывается от таких поисков, провозглашает лозунг «Падающего – толкни!», тем самым объявляя капитуляцию разума. Здесь нет аналогий с дарвиновской борьбой за существование. Теорию эволюции Ницше не принимал, поскольку его человек не выживал (приспособление – удел слабых), а жил полноценной жизнью. Сострадать – это проповедовать ничто, притуплять жизненные инстинкты. Разум должен отказаться от ноши сострадания, видя возможности и перспективы жизненных удовольствий. Любимая Ницше Римская империя в этом смысле являла собой замечательный пример. Римское право в основу общественных (межличностных) отношений ставит принцип неприкосновенности частной собственности. Соблюдение этого принципа становится этическим критерием. Хорошо то, что не нарушает мое право. Мое или чье-то. Нет нашего, а значит, на пути любого сострадания появляется барьер – чужое. Чужое в полном смысле, когда согласно праву собственности свое можно даже уничтожить. Система права начинает «сострадать» вместо человека. Относительно Нового времени такое отчуждение констатирует В. Розанов: «Заменять личную помощь общественной и, наконец, переложить в форму государственной власти – вот стремление Новых времен, отделяющее сострадающего от нуждающегося» [6, с. 37]. Таким образом, человек все более становится одиноким, а сострадание как условие способности проживать вместе все более теряет свою значимость. Эскалация насилия в современном мире, возможно, имеет свои истоки именно в отчужденности людей, когда чужого не жаль.

Несострадающий человек одинок, сострадающий – рационально необъясним. Выбрать одиночество нельзя, это означает полную бессмысленность существования, деградацию человека. Н.А. Бердяев, анализируя проблему самоубийства в среде русской эмиграции, говорит о том, что итогом одиночества являются абсолютная самоизоляция человека и самоубийство. Человек становится таким, «когда теряется для него реальное отношение к другим и другому» [12, с. 92]. Невозможность увидеть страдание и радость других людей, продолжает Бердяев, в конечном счете лишает человека всякой надежды. С другой стороны, сострадающий должен так или иначе объяснить для себя этот феномен. Сострадать кому? Сколько? В каких ситуациях? В какой форме? Все эти вопросы не для чуткой Души или крепкого Духа, ответы на них находятся в компетенции разума. Здесь не может быть однозначных ответов, проверенных рецептов. Например, Н.В. Гоголь в одном из своих писем пытается найти ответы на эти вопросы. Он прямо указывает на всю сложность помощи одного

человека другому. Говорит о национальных особенностях милосердия, о необходимости диалога при оказании этой помощи, когда сострадающему необходимо вникнуть «хорошенько в его природу и в его обстоятельства» [13, с. 201].

Способность и сила сострадания будет такой же различной, как и природные способности различных людей. Важным здесь является само определение себя как сострадающего существа, живущего с другими. Такое самоопределение будет не началом ощущения своей зависимости от других, таких же заброшенных в мире, что есть дети, которые не смогли бы искренне пожалеть или простить. Так же трудно представить, что взрослый человек смог бы ощущать радость так полно и бесконечно, как ребенок.

Таким образом, и сострадание и любовь – обязательные составляющие всякого нравственного самоопределения. Отказ от них – отказ человека от себя, своей природы. Если сострадание благо, то вполне в духе С.Л. Франка «оно должно быть одновременно... и высшей ценностью, к которой мы стремимся ради нее самой, и ценностью, пополняющей, обогащающей меня самого» [14, с. 516]. И если осмысление себя на основе самоопределения в этой «высшей ценности» приведет современного человека к Богу, Абсолютному знанию или иной идее, это будет истинно гуманная, спасающая идея. Ведь только человек способен относиться к неодушевленному предмету как к человеку, но забывает об этой способности, не развивает ее и все чаще как к неодушевленному предмету относится к другим людям, – развивает мысль С.Л. Франк.

Самоопределение человека, понимаемое не только как выбор, но и как нравственное созидание себя, в современных условиях становится проблемой, от осмысления которой зависит существование человека на земле. С одной стороны, нет общих идеалов, абсолютных образцов для подражания, с другой – уникально широкие возможности думать, исследовать, общаться, искать свой путь к истине. Любая нравственная проблема в складывающемся информационном обществе, в том числе самоопределение, имеет особые условия решения. Это особая острота и одновременно сложность, индивидуальная ответственность. Самоопределение становится суперусилием человека и усилием веры. Результатами данного анализа являются следующие основные выводы по проблеме самоопределения современного человека:

1. Самоопределение современного человека затруднено целым рядом обстоятельств. Это усложнение и увеличение объемов знаний, необходимых для существования в мире, это ускорение темпа жизни, смысловой плюрализм, ограничение непосредственных межличностных коммуникаций. По этим же причинам потребность в самоопределении человеком ощущается острее, сравнительно с другими историческими эпохами. Человек часто находится перед

дилеммой: успевать за темпом жизни, минимизируя, элиминируя нравственные проблемы, или отставать от времени, нравственно совершенствуясь.

2. Современное информационное общество как результат развития Западной цивилизации теряет связи с традицией, а человек ищет жизненные ценности в пространстве рациональных идей науки. Это существенно ограничивает поиск нравственных ориентиров, способствует разрыву между этикой как областью знаний и повседневной практикой жизни.

3. Общество не имеет системообразующего основания, общепринятой точки опоры для развития или формирования альтернативных идей, что существенно ограничивает возможности для нравственного развития. Ситуация, скорее, определяется понятием

«этическая раздробленность» общества, что связано с социальной нестабильностью и кризисом.

4. Попытки понять цели и смыслы жизни человека только через объяснение самого человека без анализа социокультурной динамики ведут к неудаче, неизбежному одиночеству и равнодушию к чужому (другому).

5. Основания для самоопределения не могут быть обнаружены, выявлены с помощью только разума или только веры и воли, но обязательно комплексно, системно. Сострадание, любовь являются естественными точками слияния Разума, Души, Духа. Только «Человек любящий» сегодня способен, самоопределяясь, интегрировать рационализм знания и мистицизм веры в повседневных нравственных принципах.

Литература

1. *Философский энциклопедический словарь*. М., 2002.
2. Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов*. М., 1990.
3. Бубер М. *Два образа веры*. М., 1999.
4. Пинский Ан. *Образование свободы: несвобода образования*. М., 2001.
5. Тоффлер Э. *Шок будущего*. М., 2003.
6. Розанов В. *Цель человеческой жизни // Смысл жизни. Антология*. М., 1994.
7. Генисаретский О.И. *Гуманитарные стратегии и практики // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения: Сб. науч. тр. Томск, 2002*.
8. Соловьёв В. *Соч.: В 2 т. Т. 2*. М., 1990.
9. Ницше Ф. *Антихристианин // Сумерки богов*. М., 1990.
10. Фромм Э. *Психоанализ и религия // Там же*.
11. Фромм Э., Хирад Р. *Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности*. М., 1990.
12. Бердяев Н.А. *О самоубийстве // Психологический журнал РАН*. 1992. Т. 13. № 1.
13. Гоголь Н.В. *О помощи бедным // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 8 т. Т. 7*. М., 1984.
14. Франк С. *О смысле жизни // Смысл жизни. Антология*. М., 1994.

Л.И. Иванкина

СОТНОШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИСТА

Томский государственный педагогический университет

Проблема соотношения профессионального и духовного развития специалиста – это прежде всего проблема о целях и приоритетах образования – давать знания (специальность) или развивать личность (систему ценностей, духовно-нравственных качеств), присваивающую знания. В первом случае процесс легко регламентируется, регулируется и контролируется, во втором же – преобладает импровизация, творчество, непредсказуемость результата. В разные исторические периоды данная дилемма решалась в пользу то одного, то другого подхода. По мнению Ю. Хабермаса, спор концентрировался под различными углами зрения вокруг главного вопроса: следует ли полностью порвать с традициями просвещения или необходимо их диалектически развивать? [1, с. 106]. Сегодня наряду с доминирующей практической направленностью образования на подготовку специалистов и повышение рентабельности средств,

вкладываемых в их подготовку, все более актуализируется акмеологический (или экпсихологический) подход к образованию в контексте «и – и», а не «или – или», когда профессиональное обучение рассматривается как процесс образования личности, развивающей в себе способность к деятельности в выбранном направлении и присваивающей знания, которые человек считает для себя необходимыми.

Профессионализм не противоречит духовному развитию специалиста, но и не тождествен ему. Профессионализм, духовность находятся в контексте целостности человека. Являясь одним из средств реализации потенциальных возможностей человека, профессия позволяет проявиться его предпочтениям – тому, что любит делать, к чему есть склонности и способности, что во многом предопределяет степень удовлетворенности жизнью, актуализируя нравственно-аксиологический компонент (знания,